

Лю Сюаньань сам притащил стул и сел: «Я хочу поехать с А-Нином в Саньшуй».

Лян Шу, поднося чашку с водой к губам, на мгновение замер: «Причина?»

«Хочу посмотреть, что там происходит, — ответил Лю Сюаньань. — Саньшуй по-прежнему принимает беженцев, так что проникнуть туда будет нетрудно».

«Нетрудно, но необязательно, чтобы это делал именно ты, — сказал Лян Шу. — Чтобы распуścić слухи, я уже отправил туда людей, они будут регулярно передавать сведения».

«Но они могут только передавать слухи, а не убеждать людей, — возразил Лю Сюаньань. — Я хочу попробовать. Даже если удастся убедить десять или двадцать человек, это пойдёт на пользу армии Янь».

«Ни десяти, ни двадцати, даже если сто или двести — я не позволю тебе лезть в такую опасность», — Лян Шу поставил чашку на стол. — «Перестань об этом думать. Выпей воды и иди спать».

Лю Сюаньань попытался настоять: «Но у меня есть подробный план».

Лян Шу спросил: «Насколько он длинный?»

Лю Сюаньань показал руками расстояние примерно в чжан.

Для плана это и вправду много.

Лю Сюаньань, конечно, не знал точного положения дел в Саньшуй, но он отлично представлял, какие ситуации там могут возникнуть, и для каждой продумал свой способ действий. Поэтому план и получился таким длинным. Но поскольку перечислять всё было невозможно, он лишь размахнулся руками, стараясь визуальнo убедить князя Сяо.

Естественно, это не сработало.

«Нельзя», — сказал Лян Шу.

«Но это снизит потери — и среди горожан, и в армии Янь, — настаивал Лю Сюаньань. — Даже если мы с А-Нином, пробравшись в город, не убедим никого, мы хотя бы сэкономим князю несколько дней провианта». Так что, с какой стороны ни посмотри, дело это стоящее.

Лян Шу не ожидал, что план можно обосновать с такой стороны. Он, конечно, знал, что из-за алчности Люй Сяна в армии остро не хватает продовольствия, и это одна из причин, по которой нужно как можно скорее взять Саньшуй. Но, даже при нехватке еды, отправляться во вражеский стан ради экономии пайков — причина более чем странная.

«Ты знаешь, как живут беженцы?» — спросил он.

«Знаю, — ответил Лю Сюаньань. — Грязные, оборванные, целыми днями дерутся за еду, воняют. Но князь может дать мне нескольких человек в охрану — это отпугнёт тех, кто захочет нас обидеть».

«А если спросят, кто ты такой?»

«Скажу, что из деревни Яюэ, направлялся в Цинъян к родственникам, — сказал Лю Сюаньань. — Деревня Яюэ хоть и пострадала от наводнения, но, поскольку она близко к Ваньхэ, местные

власти заранее переселили всех жителей, и никто не остался скитаться. Так что меня не разоблачат».

«Допустим. С А-Ниным ты можешь выдать его за брата. А охрана?»

«В деревне Яюэ издавна живёт много лекарей, это целая деревня целителей, — объяснил Лю Сюаньань. — Я притворюсь зажиточным лекарем, возьму с собой брата и подмастерьев — ничего подозрительного. Князь, только не давайте мне слишком много людей». Он прикинул. «Трёх хватит».

Лян Шу не знал, плакать ему или смеяться: «Я ещё не согласился, а ты уже и численность расписал».

«Но князь, взвесив все за и против, обязательно согласится», — уверенно заявил Лю Сюаньань. Он почувствовал жажду, и, прежде чем он успел попросить воды, Лян Шу уже протянул ему чашку. «В походе она одна».

«Ничего, — сказал Лю Сюаньань. — Мудрецы, отдыхая в бамбуковых рощах, не разбирали, чья чарка. Я часто пил с ними из одного сосуда». Он наклонился, чтобы попить, его шея была белой и изящной, точно у журавля. Лян Шу, как полководец, прекрасно понимал: если кто-то сумеет пробраться в Саньшуй и склонить тамошних жителей на свою сторону, это пойдёт на пользу всей кампании. И Лю Сюаньань действительно мог это сделать.

Но понимать — одно, а собственными руками отправлять его в толпу беженцев, в Саньшуй — совсем другое. Лян Шу смотрел на Лю Сюаньаня, пока тот не допил воду, и лишь тогда спросил: «Нет ли способа получше?»

Лю Сюаньань покачал головой: «Нет».

Лян Шу, изучивший все военные трактаты, тоже знал, что способа нет. Это был наилучший из возможных в данной ситуации план, но он всё равно недовольно нахмурился: «Тебе четыре тысячи восемьсот лет от роду, а ты и лучшего способа придумать не можешь?»

Лю Сюаньань подумал, что этот человек просто невыносим, но всё же вежливо поддакнул: «Ага, ага, верно».

Лян Шу, и раздражённый, и развеселённый, протянул руку: «Иди сюда».

Лю Сюаньань поставил чашку и подошёл. Лян Шу обхватил его за талию, желая в этот тревожный час, при дрожащем свете свечей, притянуть его ближе, стать с ним ещё роднее. Но его нежные чувства и тревога не успели даже расплескаться, как пальцы пронзила острая боль: «Ай!»

Лю Сюаньань поспешил убрать его руку: «Там игла, я забыл её вытащить».

Лян Шу протянул руку: «Кровь».

На кончике пальца висела круглая капелька крови — чуть серьёзнее, чем от укуса комара. Но Лю Сюаньань всё же аккуратно перевязал ранку своим платком, завязав тугой и важный бант.

«Сможешь защитить себя?» — спросил Лян Шу.

Лю Сюаньань кивнул: «Угу».

Лян Шу вздохнул: «Я выделю тебе трёх бойцов. Если возникнет опасность, бросай всё и немедленно возвращайся».

«Хорошо», — сказал Лю Сюаньань.

Спустя мгновение добавил: «Когда меня не будет, князь должен принимать лекарства вовремя».

На самом деле он и сам не слишком рвался в Саньшуй. Дело было не в лишениях и не в опасности, а в чём-то другом, в том чувстве, которое в стихах зовётся «тоской разлуки». Так что в этот момент между ними не было ни тени суровой торжественности перед одиноким подвигом, скорее витала лёгкая грусть расставания, будто на дороге среди дымчатых ив. Лю Сюаньань тихо выдохнул. Хотя для него в трёх тысячах миров всегда существовал князь Сяо, и увидеть его он мог в любой миг, но тот князь был не таким, как этот.

Ночь была уже глубокая, очень глубокая.

В такой час говорить о любви было и впрямь неуместно. Даже если бы князь и захотел стащить спящего бессмертного с небесных облаков обратно в мирскую пыль, он предпочёл бы, чтобы тот ступил в цветущую и богатую страну, а не в эту истерзанную, полную страданий землю. Поэтому он сдержался и проглотил слова.

А-Нин дремал в палатке, услышав шум снаружи, выбежал и как раз столкнулся с князем, который провожал его господина.

«Ложись пораньше, — сказал Лян Шу. — Когда подготовлю людей, отправлю вас в город».

Лю Сюаньань кивнул, проводил князя взглядом, а затем вернулся в палатку с А-Нином.

«Князь разрешил господину ехать в Саньшуй?» — спросил А-Нин.

«Да», — ответил Лю Сюаньань.

«Почему же господин выглядит таким невесёлым?»

«Потому что я и не хочу ехать в Саньшуй, я вынужден ехать, — сказал Лю Сюаньань, вытирая лицо платком. — И ещё я не хочу расставаться с князем».

А-Нин заметил: «Вторая часть фразы звучит как-то странно».

Лю Сюаньань не видел в этом ничего странного. Он кое-как умылся, лёг в постель и вместе с А-Нином принялся рассчитывать сроки. Если всё пойдёт по плану, в самом лучшем случае армии Янь потребуется не меньше полумесяца, чтобы взять город.

Полмесяца — это ужасно долго.

А-Нин удивился: «Долго? Даже в исторических хрониках полмесяца на одну битву — это очень быстро. Да и господин, когда погружается в свои мысли, часто проводит в них по полмесяца, а очнувшись, только качает головой и говорит, что прошло одно мгновение».

Лю Сюаньань покачал головой: «Это другое».

А-Нин пристал с расспросами: «А что другое?»

Лю Сюаньань и сам не мог толком объяснить. Казалось, единственная разница — это Лян Шу. Он подумал немного, а потом сказал А-Нину: «На теле князя Сяо много шрамов».

«На войне у всех есть раны, — сказал А-Нин. — Однажды князя ранили в бок кривым мечом, говорят, он пролежал без сознания целых десять дней. Полевые лекари ничего не могли поделать, заместитель командующего Гао Линь так извёлся, что чуть не отправился в пустыню искать колдунью».

«Откуда ты это знаешь?»

<http://bllate.org/book/16268/1464391>